

Лев Овчинников

A 3D rendered character of a bearded man in medieval attire. He has a large, dark beard and mustache, and is wearing a red cape with gold trim over a dark tunic. He is holding a wooden chest with gold hardware in his left hand and a sword in his right hand. The background is dark and plain.

Шкатулка для герцога

Лев Овчинников

Шкатулка для герцога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69926518

SelfPub; 2023

Аннотация

Герцог Одда Хелминг владеет Сребрадом, богатейшим краем, лежащим у сердца величайшей в мире Империи. А самим Оддой владеют страсти, вечно сражающиеся в его душе со скукой и тоской. Прожигая время за словоблудием и игрой в тавлеи и морочных князьков, герцог Одда не замечает ни интриг дворов, ни изменений в мире. Жизнь Одды текла своим чередом, грозя всё больше заболотиться от праздной лени, пока однажды на долгожданной ярмарке он не повстречал заморского торговца, продавшего ему зачарованную шкатулку.

Содержание

Лев Овчинников

Шкатулка для герцога

Герцог Сребражский Одда Хелминг вышел на внутреннюю стену своего замка и оглядел двор. Стоял гул – тренировались ратники. Глухой древковый стук тонул в лязге железа. Страдали чучела, набитые глиной, страдали новобранцы. Одда зевнул.

– Стар я стал, мастер Альвиний – сказал, поглаживая клинообразную тёмную бородку, герцог вставшему рядом чародею – Уже и нет охоты вот так мечом махать, а ведь в молодости, знаешь, какой был я?

– Ты не стар, герцог. Твой далёкий предок до последнего своего часа сражался и погиб в бою. А ведь ему было девять десятков лет – возразил Альвиний, мельком взглянув на выпирающее герцогское брюхо.

Альвиний, как и многие другие чародеи, пользовался большими привилегиями при дворе и обращался к герцогу на "ты" в узком кругу или наедине.

– Он был императором и чародеем. Да и времена тогда были темнее. А сейчас что? Когда мы последний раз били хельнов, великанов или бесов с мертвяками? В чём прок махать тупым железом во дворе, бить глину, коль давно не воюем?

– Радуйся, герцог Одда, многие бы только мечтали о тво-

ем уделе. Князя Ольдании и Гардарию вынуждены постоянно помогать Ордену истреблять чудовищ, идущих из-за Тенемирских гор.

– Да счастливы они! Им хоть делать есть что! И кровь играет опять же!

Альвиний посмотрел на вельможного дурака, как и смотрят обычно на дураков.

– Тоска смертная! – продолжал Одда – скука...

– Начни читать – откроешь целый мир. Благо, у тебя есть много серебра и много времени. Редко Боги дают человеку такие возможности.

– Читать! – язвительно произнёс герцог – А что в книгах-то?

– Книги разные, твоя светлость.

– Книги, они зачем? – не унимался Одда.

– Хорошая книга может научить.

– А написано в твоих книгах, как всегда выигрывать в тавлеи, али в кости, в тафлы, в морочных князьков?

– Всегда? Сомневаюсь – придворный чародей сохранял полнейшую невозмутимость.

– А есть ли на свете книга, чтоб прочитал её и стал лучше всех драться мечом?

– Мне кажется, вы превратно понимаете суть чтения, ваша светлость.

"На "вы" перешёл... оскорбился, теперь пару дней избегать будет. Хех, нечего со своими советами лезть, колдун

проклятый! Ну хоть крови с тебя попил и ладненько..." – думал, ухмыляясь про себя герцог.

Герцог любил выражение "попить крови", которое отсылало к образу жизни вампиров и упырей. Выражение, которое очень не любили волхвы и мракоборцы из Ордена Игниггов.

Так он и проводил дни: начнёт говорить с кемнибудь в замке, "напьется крови" и дальше идёт. Но и это опостылело ему в последнее время. Хотел он чего-то нового. К вящей радости герцога, равно как и обитателей замка, в Сребраде скоро будет большая ярмарка. Уж она-то тоску развеет!

За день до открытия ярмарки Одда с зари до зари играл в тафлы, башенный бой, тавлеи и князьков с придворными и одинаково ярился, когда его побеждали и когда ему явно поддавались.

Ночь тоже омрачилась гневом герцога. Бессонница не впервые одолевала Одду. Вот и на этот раз он грёзил, не погружаясь в сон. Грёзил о ярмарке, надеясь увидеть в своих владениях заморских купцов, торгующих дивными вещами альвов и самодвижущимися устройствами йордлингов.

Наконец открытие! Одда намеренно не выезжал в город, пока шла подготовка.

– Какие цвета! Какие краски! Посмотри, Брантур, как они всё украсили, построили помосты, галереи, шесты поставили... Всё в знамёнах, в лентах... Восторг! – восклицал довольный герцог, обращаясь к барону из своей свиты.

Герцог выехал с пышной свитой и домашней стражей из загородного замка утром. Не узнать было родной Сребрад!

– Все эти шахтёры с каменными лицами, ремесленники и прочая чернь никогда бы такой ярмарки у нас не навели! Хорошо, что со всего света едут!

Герцог облачился в шелка и меха, несмотря на летнюю жару. По случаю надел и корону. Шлейф пурпурной мантии тянулся за ним, спадая с боков лошади. Герцог со свитой единственные, кто был верхом, на всей ярмарке. Люди приветствовали герцога, каждый торговец пытался привлечь его внимание. Одда приветствовал в ответ, несказанную радость доставляло ему почитание подданных и восхищение гостей. Жадно скользил его взгляд по прилавкам и балаганам. Он смотрел на уличных лицедеёв, затем отвлёкся на представление уродов.

– Прекрасно! – воскликнул герцог, когда увидел горбачей, карликов, бескостных и бородатую женщину – Смотри, какое загляденье, Ульрих!

Герцог бросил хозяину уродов тугую мошну.

– Приезжайте к нам и на следующую ярмарку со своими красавцами!

Толпа посмеялась над словами повелителя Сребрадского герцогства, ей было невдомёк, что в шутке спряталось, словно зверь в норке, его лёгкое влечение к безобразному.

Свита продвигалась дальше.

– Его светлость едет! Разойдись! – громко провозглаша-

ли герольды впереди – Кланяйся! Кланяйся! Его светлость, герцог Одда Хелминг!

Глотателям клинков и заклинателям змей тоже досталась благодарность герцога Одды.

– Благо всё серебро в Империю идёт с моих рудников! – воскликнул Одда, хотя мошны его были набиты медяками.

– Несомненно, ваша светлость! – ответил барон Брантур.

Одда, конечно, сильно преувеличивал, но род Хелмингов и правда был одним из богатейших.

– Ваша светлость! – кричал седобородый торговец с сильным заморским говором – Лучшие книги с Летних Земель! Извольте! Кладези мудрости: труды натурфилософов, врачей, мастеров осад и знатоков военного дела! Всё лучшее для великого повелителя этих владений!

– Мы и так умные, старче! – ответил герцог и повернулся к сиру Ульриху – Старик со своей исписанной бумагой понравился бы Альвинию. Жаль, что он сейчас не с нами!

В душе герцог радовался тому, что мастера Альвиния нет сейчас в свите. Одда сам отослал его по делам в столицу Империи. Альвиний понимал истинную цель поручений герцога, но деваться было некуда, да и не очень интересна была ему ярмарка, а отдохнуть от Одды хотелось. Вельможа же считал чародея занудой и не собирался портить себе свободные от скуки дни ярмарки.

Взор Одды приковали ловкачи, крутящие горящие цепи и факела.

– ... Чудовищ убивцу бросьте монету! Чеканну монету! – пел герцог одну из самых глупых и пошлых песен, которую, впрочем, несправедливо приписывали перу великого барда.

Вельможа кинул ловкачам несколько медяков и один серебряный четвертак, потом отвлёкся на цвергов. У маленьких, как карлики, серокожих бородачей купил несколько безделиц из разных металлов, камня и чьи-то семейные ценности.

– Самоходные игрушки у вас имеются? – спросил у бедно одетого цверга герцог.

Тот пролепетал, что игрушек у него нет, есть только украшения и униженно раскланялся.

– Эх, зря мы вас пускаем на ярмарки! Драгоценности, наверняка, и те краденные! Ладно, сегодня я добр, будем гнобить вас в застенках, как ярмарка кончится. А пока к йордам, у них самоходы точно есть!

У широкоплечих ростом в полчеловека длиннобородых йордлинов Одда купил заводного медведя, машущего бердышом, и мужичков, пилящих бревно. Он был доволен.

– Ну вот, осталось поглядеть на оружие, брони, утварь домашнюю, да вкусности испробовать с винами и мёдом! – сказал герцог, когда внимание его привлёк ещё один заморский торговец:

– Ваша светлость! – говор был почти чист, но иноземное происхождение всё же чувствовалось – Меня зовут Микула Мурк, родом я из Брегмара – лучшего града Союза Воль-

ной...

– Оно и видно! – прервал его Одда, оглядев закрученные усы и клинышек бородки торговца.

Седой богато одетый купец выглядел молодцевато, намащенные усы были вполне в духе Вольной Марки.

– Интересны ли вашей светлости вещи дивные, альвами сделанные, заморские?

– Показывай!

– Ваша светлость – с этими словами Мурк достал и показал шкатулку тёмного цвета, на крышке которой кроваво блестел рубин.

– Фе! Ларчик? На кой он мне? – герцог презрительно разглядывал вещь верхом на коне.

– Шкатулка, герцог, волшебная шкатулка! Сколько раз пытались её у меня купить короли в Летних Землях, но я отказывал всякий раз. Ведь я приберёг её для того, в ком кровь императоров! И, верьте, хоть мы и не ведаем власти самодержцев в Вольной Марке, но вашего основателя чтим. Герой, истребляющий чудовищ и чернокнижников, и для нас герой!

Одде польстили слова купца из Марки.

– Какая волшба сокрыта в шкатулке? – спросил он Мурка недоверчиво.

– Альвы создали её. Шкатулка вступает в мыслительную связь с владельцем и помогает ему в делах житейских, в познаниях, в состязаниях...

– А в тавлеи подсказет, как победы держать?

– Разумеется!

– А умна ли?

– Зависит от того, чья кровь течёт во владельце. Коль это простолюдин, то будет советовать о пашне, коль разбойник, об искусстве засад поведает, а если кровь королей аль императоров будет, то будет мудрейшее советовать во всём и всюду добудет победу. Можете смело гнать прочь всех сановников и советников – эта шкатулка заменит вам сотню мудрецов! Кроме того, она не предаст вас и ничего не украдёт, в отличии от человека!

– Сколько? – глаза герцога горели восторгом.

– Тринадцать серебряных ольфенов – отчеканил Микула Мурк.

– Сдурел?! Полдеревни на это куплю!

– Ладно, ваша светлость, продам её герцогам Одальгердам или самому императору!

– Постой! В тафлы с башнями, говоришь, игру подсказет?

Микула важно кивнул.

– И умные советы даст? Как недоимки взыскивать, как оплести кого, как заговор раскрыть, врагов рассорить?

– Точно так, ваша светлость!

– Беру!

Тринадцать серебряных отделились от кошны герцога неохотно. Он легко кидал монеты плясунам и уродам, показывая своё могущество, но не очень любил тратить деньги

на что-то полезное. Показная роскошь давалась ему лучше ценных приобретений.

– Запомнил его, Ульрих? Этот Мурк не должен выйти из города, пока я не удостоверюсь в волшебстве шкатулки, так страже и передай! – приказал герцог, когда отъехали от лавки заморского купца.

Герцогу не хотелось проверять силу шкатулки здесь при всех. Он боялся, что людишки сглазят её. Да и осведомителей Ордена здесь наверняка полно.

Тоскливо стало вечером, когда ярмарка закрывалась. Одда решил остаться в своём городском замке, что высился над Средбрадом зубчатыми башнями и шпилями. И хотя ярмарке быть ещё две недели, герцогу стало грустно. Только одна мысль грела душу.

Он выгнал слуг и стражу из горниц и светлиц и заперся в своих покоях. Уйдя в самую укромную из своих опочевален, герцог достал шкатулку и положил на стол.

– Ну, говори! – произнёс Одда и затаил дыхание.

Но шкатулка и не думала отвечать.

– Молви! Хоть словечко! Эй! – вельможа стал трясти её в разные стороны – Так и думал! Ну хоть рубин красивый! Изведу тебя, купец! Без глаз вернёшься в свою Марку!

Отчего то ему захотелось открыть шкатулку, глянуть, что там внутри.

– Как она открывается, проклятая?!

Одда не смог найти ни намёка на зазор, оказалось, шка-

тулка цельная. Он лихорадочно ощупывал её в поисках чего-то потаённого и случайно нажал на рубин. Камень поддался, провалился, исчез и тут же изнутри, на его место, резко вылетела игла.

Укол. Боль.

– Сурт и Умбра! – выругался герцог.

Капля его крови упала в недра шкатулки. Игла исчезла, вернулся рубин, который теперь горел изнутри красным светом.

– Повелитель? – спросил холодный железный голос.

– Кто говорит? Шкатулка? – попятился герцог от волшебной вещи.

– Я буду служить вам, повелитель. Как ваше имя?

– Мы – Одда Хелминг, герцоги Сребрада!

– Служу вам, герцог Одда.

– Зачем напала на меня? Зачем иглой кольнула? – возмущался герцог держась за палец.

– Нужна была кровь, дабы создать узы между нами.

– Кто-то слышит тебя, кроме меня?

– Голос лишь в ваших мыслях, повелитель.

Ледяной металлический голос пугал Одду, он уже начал жалеть о приобретении.

"Хорошо, хоть никто не слышит её" – подумал вельможа и перед его внутренним взором пронеслась вереница пугающих образов: дознаватели Ордена в красных плащах и чародеи-мракоборцы, по сравнению с которыми Альвиний все-

го лишь послушник, а потом дыба, раскалённые клещи, костёр...

Герцог ушёл в светлицы, а потом в другую опочевальню. Он бродил по комнатам и метался душою. Однако, никакой мысли или решения в нём не вызрело, он просто выходил душевное напряжение и испуг, а после вернулся к шкатулке.

– Что ж голос у тебя, как у железного?

– Для вас могу говорить любым голосом, повелитель.

– Пусть голос бабий будет, красивый!

– Как прикажете, повелитель.

Страшный нечеловеческий голос шкатулки сменился сладким и утонченным женским голосом. Томным страстным и глубоким.

– Другое дело! Теперь сказывай, откуда ты, кто тебя создал?

И шкатулка поведала Одде об альве, что её создал. Не забыла она и о купце Муроке, который купил её и увёз в Вольную Марку. Шкатулка живо и красочно описывала великие торжища Брегмара и других вольных городов, дворцы и святылища Благословенного Острова, разные уголки Хладных и Летних Земель и людей, что в оных уголках жили. Описывала так, словно видела и слышала всё, будто бы дышала с Муроком одним воздухом.

– Много где возил тебя купец, однако! – дивился герцог – И сколько всего на свете есть чудного! А я за пределы герцогства редко выезжаю – заботится о родной земле нужно,

вот так вот!

Одда слушал мелодичный женский голос шкатулки всю ночь напролёт.

– Ни одной бабы такой интересной за всю жизнь не встречал. Да что там говорить! Ни одного человека такого дивного не видал и остроумного! – восторгался Одда.

Ближе к утру он пресытился даже беседой с дивной альвской шкатулкой. Но он и не думал ложиться спать.

– Сыграем в тавлеи? Умеешь? – герцог произнёс это с такой самозабвенной непосредственностью, на какую способны лишь дети да умалишённые.

От ответа шкатулки глаза герцога заблестели. Он мигом принёс доску и расставил чёрные и белые фигурки.

– Ходи! – приказал он после того, как сам сделал ход.

И тут Одда встал с кресла, как громом поражённый: чёрная фигурка витязя сама сделала ход, подбираясь к белому имперскому князю.

– Эх, вон оно как! Я-то думал, ты мне говорить будешь, как за тебя фишку ставить, а ты вот что: в самоходы их превратила!

Герцог перевёл дух и спросил:

– Что ещё можешь?

– Я сама ещё не ведаю всей своей силы, повелитель. Я никогда не принадлежала столь благородному и мудрому господину, как вы. Мы связаны кровью, мои умения – отражения ваших грёз и желаний.

"Эпоху тоски и скуки объявляю оконченной!" – ликовал про себя Одда Хелминг.

Герцог играл со шкатулкой в тавлеи до полудня. Она учила его разным умным ходам и хитростям игры. Учила не навязчиво, шкатулка умела увлечь его. Но тут он услышал кастильяна, просившего разрешение войти и сердце его сжалось. Одда твёрдо знал, что никто не должен знать о вещи, которой он теперь обладает.

– Не пойду никуда и дурака этого не впущу, в кой-то веки мне не скучно и жить хочется!

– Опасно, мой повелитель, люди ждут вас на ярмарке!

– А на кой мне ярмарка теперь, когда я владею лучшей вещью на свете?

– Бароны и рыцари из вашей свиты видели, как вы купили меня у Мурока, вас станут подозревать! От вас не отстанут, мой повелитель!

– И что же делать мне?

– Вам нужно будет показаться на ярмарке, поданные должны видеть здорового и счастливого сюзерена.

– Не хочу на ярмарку, сказал же! Будем играть в разное, а как наскучит, послушаю тебя.

Тщетно шкатулка пыталась убедить строптивого герцога. Её создатель, если таковой был, явно не подозревал о существовании таких людей, как Одда Хелминг.

– Скажи, как сделать, чтоб отстали все от меня на пару недель и со своей ярмаркой не лезли! – упёрся рогом герцог.

И шкатулка посоветовала ему, и он всё сделал, как она сказала. Через дверь Одда сказал кастеляну, чтобы тот позвал главного придворного лекаря. Одда представился больным и сказал, что не хочет, чтобы двор созерцал его в таком виде. Для главного лекаря он достал ларец, полный серебряных ольфенов. Скоро весь замок знал, что герцог болен и нуждается в покое.

– Сработал совет твой! – хохотал герцог – А теперь, играем в князьков! Учить будешь штукам разным, чтоб я при дворе всех разил умом своим! Честь по чести, без поддавок!

Вельможа достал из сундука доску и расставил чёрные фигурки, изображающие впавших в тенепоклонничество правителей – тех самых "морочных князьков" и красные фигурки рыцарей-мракоборцев. Затем он бережно вытащил из шёлкового мешочка карты и кости. После всех приготовлений правитель Сребрада отдался игре, впитывая всем своим существом каждый совет и замечание шкатулки.

Он так и не лёг спать до самой полуночи, а ведь не спал он и всю прошлую ночь. Шкатулка советовала ему лечь, но отнекивался и ворчал о бессоннице. И только когда голова его отяжелела и альков стал ходить кругом, когда он не смог разглядеть хоть какой-либо образ на гобеленах, он решил отдохнуть.

– Но как уснуть-то? Не выходит у меня не бдеть! Уже всё перепробовал.

– Я наворожу тебе отдохновение души и тела.

– А чего молчала? – возмутился герцог, вдруг почувствовал небывалую лёгкость и провалился в сон.

Во сне он летал, как когда-то в детских своих сновидениях. Он улетел прочь из Сребрада, в страну альвов, что на Благословенном Острове. Там он встретил сребровласых вечно-прекрасных женщин и мужчин, а среди них почему-то своих родителей, дедов и старшего брата. Одда забыл всякую скуку и суету и в кой-то веки не тяготился собой. Он стал как ребёнок и наслаждался присутствием родичей. Герцог и не проснулся бы, если выбирал. Но шкатулка разбудила его, оказалось, он проспал до следующей полночи. Отдохнувший, полный сил, герцог снова принялся за игру и беседы со своей вещью.

Это быстро стало новым образом жизни. Ночами он играл и вёл беседы, а на заре просил шкатулку погрузить себя в глубокий сон. Слуги приносили ему еду в переднюю горницу. Он не видел их, а они его. Замок считал его больным и Одда надеялся, что сребролюбец-лекарь не проболтается. Он почти не притрагивался к пище, так сильно был увлечён остроумием волшебной шкатулки.

Одда мог бы напугать любую живую душу, будь она здесь. Казалось, что этот взрослый благородный муж никогда не ведал заботы о существовании своих близких и себя самого, никогда не ведал труда, искусства, познания – всего того, что делает человека человеком. Он был одержим игрой, он бежал от скуки и скрывал в прожигании времени пустоту и бед-

ность своего духа.

Шкатулка пыталась дать ему советы о правлении и делах житейских, но Одда всё отвергал, он клеймил эти вещи как скучные. Иногда он замечал, что шкатулка говорит медленно и проглатывает звуки. А однажды он, слушая речи шкатулки, заметил, как к ней подбирается паук. Жирный с длинными лапками, он заполз на её крышку. И тогда у самого рубина открылась щель и втянула насекомое в себя. Рубин озарился красным светом.

– Что... что это ты сделала? – заволновался герцог.

– Я много раз советовала вам поесть, повелитель. Правда в том, что пища нужна не только светлейшему.

– Тебе нужно это, чтобы говорить и играть?

Развернувшаяся перед глазами Одды картина вызвала в нем отвращение, но приятное общество волшебного собеседника было ему слишком дорого.

– Мне нужно это, чтобы радовать своего повелителя дальше.

– Чего сразу не предупредила? Сейчас лето, открою окна – мигом гнус налетит, а ты его рубином-то привлекай да ешь!

Так он и сделал, а потом смотрел, как гнус летит себе на погибель, привлеченный красным свечением.

Время шло, Одда оброс и похудел, аккуратный клинышек бородки превратился в топорчащуюся бороду бродяжника. Для двора герцог по-прежнему болел. Поползли тревожные слухи, о коих шкатулка его уже предупреждала. Яр-

марка кончилась и волшебная вещь советовала ему выйти в свет, устроить охоту, пир, объехать владения или навестить вельможных соседей. Одде всё это было не интересно.

– Всю жизнь этим занимался и будто не в своей шкуре жил! – огрызнулся герцог.

Он почти не ел и всё чаще просил погрузить себя в мир грёз. Одда занавесил все окна и зеркала, чтобы ничто не отвлекло его от игр и бесед. Проснувшись, он, как всегда, потребовал игры и очень изумился, когда шкатулка попросила его передвинуть фигуру за неё.

– Что ж это с тобой?

– Мне не хватает сил, мой повелитель. Погружать в сон и ткать грёзы, говорить и играть – всё это уже не даётся мне, как раньше...

– Как так то? Съешь мух побольше!

– Они не смогут напитать меня, все силы, заложенные во мне мастером-альвом, иссякли. Я иссохла изнутри...

– И как быть?

– Мне поможет только кровь того, с кем я связана, кровь моего владыки!

– Благо во мне крови полно! – весело воскликнул Одда и потряхнул по старой памяти брюхом, и тут же обратил внимание, что сильно отощал.

Это не остановило Одду. Он надавил на рубин и стиснул зубы от укола.

– Больше бери, больше!

Кровь напитала шкатулку и герцог продолжил беззаботное существование. Он не ведал о происходящем при дворе, не ведал о своих сановниках и вассалах, о своих соседях и о людях своего сюзерена. Не ведал о том, что думают, что говорят, что делают. Вместо этого Одда погрузился в грёзы и развлечения. Он продолжал играть и питать шкатулку своей кровью.

Природа не стала бы терпеть такого зверя, как Одда. Станет ли его терпеть общество?

Сила, лишённая разума, вскоре гибнет, как сказал древний мудрец. И вот, вельможа играл себе на погибель и в один из дней ощутил такую пустоту и скуку, что едва поборол в себе желание броситься с башни. Опротивела ему шкатулка, но он продолжал, ибо отречься уже не мог. Он забыл своих родичей, свой двор, своих подданных. Одичал Одда в обществе зачарованной вещи, как дичают в полном одиночестве. Ел мало, заперся изнутри на ключ, слугам и главному лекарю открывал, когда хотел.

В невыносимый и тягостный день, когда по наитию герцог играл и слушал шкатулку, мир решил напомнить ему о своём существовании:

– Открывай, твоя светлость! – послышался голос, которой был знаком Одде когда-то, а затем в дверь передней горницы застучали.

Сердце герцога сжалось от страха.

– Кто это? – спросил герцог, осторожно подходя к двери.

– Твой друг, вернувшийся из столицы.

– Альвиний? – вспомнил вельможа.

– Отойди от двери, коль не желаешь впустить по-доброму!

Одда отошёл от двери. Он хотел было спросить совета у шкатулки, но не успел ничего сделать. Замочная скважина вспыхнула искрами изнутри и тяжёлая дубовая дверь отлетела в сторону.

– Ты совсем обезумел, дурак ярмарочный?! – заорал на Одду кудесник – Где эта дрянь?!

Несчастный герцог не успел ничего ответить, как Альвиний прошёл в дальнюю опочивальню. Одда поспешил за ним.

– *Abi, Umbra!* – воскликнул чародей и направил длань на шкатулку.

Из пальцев Альвиния с треском вылетели золотистые молнии и разорвали шкатулку! Одда готов был поклясться, что видел, как тёмный силуэт на миг появился возле стола, где стояла шкатулка, и тут же рассеялся.

На сердце сделалось легче, словно чья то незримая, но цепкая хватка отпустила правителя Сребрада.

– Благодарю тебя, Альвиний...

– Что ты наделал, болван! Что же ты наделал...

Не успел Одда ответить, как увидел в дверях опочивальни своего наследника.

– Хродрик? Что ты здесь делаешь?

Дорожный плащ и сапоги старшего сына герцога были в

пыли и грязи. Судя по всему, он только что прибыл из своего замка.

– Отец, что с тобой? Мастер Альвиний послал ко мне гонца, и я сразу отправился в путь. Что с тобой случилось? – Хродрик кинулся к отцу и обнял его.

А Одда, едва освободившись от объятий, кинулся к зеркалу, и, сняв с него накидку, ужаснулся от своего облика.

– Со дня на день здесь будут люди из Ордена Игнингов, Одда – сказал чародей – Если о шкатулке узнал я, то знают и они. У тебя нет шансов избежать наказания.

– Эх, я бы и понёс его с радостью, да какой тяжестью это ляжет на мой род! – казалось, что Одда Хелминг сейчас расплачется, как дитя – Что же я натворил...

– Тяжестью, которой не выдержит ни один герб в мире – как бы ответил Альвиний, хотя слова Одды и не были вопросом.

– Что же делать-то нам? – причитал герцог – Отвести бы беду от родных, а я уж как-нибудь...

– Мужайтесь! У нас есть немного времени, я придумаю, как всё исправить, – сказал мастер-чародей.

* * *

В Чистые ворота Сребрада въехали восемь всадников, об-

лачённых в красное. Два из них – рыцари в латных доспехах и сюрко¹ с гербом-пламенем, ещё двое, в облачении попроще – их оруженосцы. Двое в плащах и капюшонах – дознаватели, а человек в плаще и широкополой шляпе – инстигатор². А с ними среброволосый человек в кафтане, обязанности которого были неясны для посторонних.

Они въехали в город в сопровождении герольда и почетной стражи Хелмингов. Улицы от Чистых ворот до замка были перекрыты стражей. Братьям Ордена не терпелось увидеть герцога и оценить состояние его духа, но тут отовсюду раздался колокольный звон. Звонили во всех святилищах Сребрада. Въехав в замок, они увидели во дворе погребальный костёр. На тризне собралось много знатных людей герцогства.

Когда тризна окончилась, герцог Хродрик и придворный чародей приняли братьев Ордена в малой зале.

– Пусть Белые Боги упокоят его душу – произнёс сребровласый.

– Примите соболезнования, ваша светлость – начал инстигатор – И поведайте нам о произошедшем.

Выяснилось, что зачарованная тенепоклонниками шкапулка свела герцога Одду с ума. Он заморил себя голодом, слушая её повеления. А продавшего проклятую вещь замор-

¹ Сюрко – плащ-нарамник в цветах знатного рода или с его гербом.

² Инстигатор – начальник дознания Ордена Игнингов, расследующий, обвиняющий и нередко возглавляющий трибунал.

ского купца так и не нашли, несмотря на приказ герцога не выпускать того из города.

– Похоже, что представившийся Миколой Мурком из Брегмара был чернокнижник – вставил слово один из дознавателей.

Альвиний рассказал о том, почему его не было при дворе, когда он был так нужен, поведал о поручениях герцога Одды, и о том, что уничтожил шкатулку заклинанием, как только прибыл в замок и всё узнал.

– ...Покойный герцог никогда не интересовался запретными знаниями и искусствами – говорил мастер Альвиний – Он был простым душою человеком, любил охоту, медовуху, турниры...

Братья Ордена пробыли в замке пару дней. Инстигатор и дознаватели осмотрели покои Одды, опросили сановников, стражу, слуг. Составив себе полный образ произошедшего, Игнинги ещё раз выразили соболезнования и уехали из Сребрада во владения Ордена.

* * *

Одда положил бревно на землю и вытер пот со лба тыльной стороной ладони. Затем он погладил ровную широкую бороду, в которой начали пробиваться седины. Но не взирая

на возраст, он раздался в плечах и ощущал себя здоровым, как тур.

Светило солнце, на душе было хорошо. Теперь он не ведал скуки, ему было просто некогда. До холодов он намеревался построить святилище, благо, опыт у него есть. Одда с гордостью взглянул на избу, которой владел по праву.

И вдруг он услышал приближающийся конский топот, и это в такой-то глухомани! Но ему стало радостно, а не страшно.

– Мои хорошие! – воскликнул Одда, завидев Хродрика и свою жену с дочерью и младшим сыном.

Они приехали без стражи, но были в безопасности, ведь с ними прибыл и мастер Альвиний, ставший вторым отцом Одде.

– Сам герцог Сребражский с семьёй прибыл, да в такую простую избу! – веселился Одда – Ну, милости просим!

Он обнял своих родных и ещё раз осыпал благодарностями Альвиния.

В избе весело общались. Одда угощал гостей тем, что сварганил сам.

Последний раз он был так счастлив до смерти старшего брата, до того, как на него свалилось бремя наследования. Теперь он стал совсем свободен. Его не мучила бессонница, а труд исцелял душу и затягивал не меньше игры в тафлы и князьков. Обращаясь к Богам у огня или в роще, он чувствовал единение с ушедшими родителями, дедами и братом. Он

обрёл полноту жизни всем своим духом, и от прежней тоски
не осталось и следа.